

Ольховская Юлия Ивановна

канд. филол. наук, доцент

Куйбышевский филиал ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический университет»

г. Куйбышев, Новосибирская область

**РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРОВОГО СИНКРЕТИЗМА
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА**

***Аннотация:** на примере изучения ранних очерков М.М. Пришвина рассматриваются пути формирования литературоведческой компетенции студентов-бакалавров, обучающихся по профилю «Филологическое образование». Жанровый синкретизм, ставший одной из особенностей поэтики писателя, позволяет углубить и обобщить представление студентов о построении жанровой модели художественного текста.*

***Ключевые слова:** литературоведческая компетентность, русская литература, Пришвин, жанровый синкретизм, притча, очерк, Адам и Ева.*

Всё чаще филологическое сообщество отмечает тот факт, что современное литературное образование находится в критическом состоянии. Литература как учебный предмет перестаёт занимать ведущие позиции. ЕГЭ по литературе никогда не был обязательным, а итоговое сочинение не имеет ничего общего с традиционным представлением о сочинении. Само понимание литературы как процесса заменяется набором «фактов» и «аргументов», удачно компанующихся в итоговом сочинении. В настоящее время приходится печально констатировать, что школа вместе с обществом переживает кризис уважительного отношения к чтению. Между тем благодаря нашей многовековой истории и культуре чтение воспринимается как способ воспитания и формирования нравственных ценностей. Кризис чтения требует внедрения новых педагогических и предметных технологий, новых разработок в системе литературного образования не только в

школьный образовательный процесс, но и в вузовский. Современная школа нуждается в новом поколении учителей-словесников, способных решать актуальные проблемы сегодняшнего образовательного процесса. Поэтому одной из основных целей подготовки бакалавров-филологов является формирование специалиста, способного работать с учётом требований профессионального стандарта. Будущий учитель уже в вузе обязан научиться методически верно решать образовательные задачи в рамках коммуникативного подхода, использовать междисциплинарные связи, осуществлять дифференцированный подход к учащимся, уметь грамотно выстраивать исследовательскую деятельность на основе современных технологий и многое другое.

Таким образом, становится актуальным вопрос о продолжении формирования литературоведческой компетентности у студентов-филологов с учётом профессиональных компетенций. Процесс развитие литературоведческой компетентности студентов, обучающихся по профилю «Филологическое образование», опирается на читательскую компетенцию, сформированную ещё в школе. Читательская компетенция предполагает знание обучающимися особенностей и закономерностей как русского, так и зарубежного историко-литературного процесса в синхронии и диахронии, владение литературоведческой терминологией, умение интерпретировать и анализировать текст художественного произведения.

В нашей статье мы рассмотрим пример развития литературоведческой компетентности студентов в процессе изучения одной из актуальных проблем современной филологии – жанрового синкретизма в раннем творчестве М.М. Пришвина. Формирование литературоведческой компетентности происходит на стыке нескольких, связанных между собой, направлений: критико-биографического, историко-литературного, теоретического, культурологического. Студент актуализирует не только свои школьные знания, но и выступает в качестве исследователя-теоретика и историка литературы.

Писательской родиной Пришвина принято считать Петербург, в котором состоялось знакомство писателя с теми, кто определил и направил его в творческих

исканиях. Одним из «наставников» стал Д.С. Мережковский. Знакомство с ним по сути «перевернуло» Пришвина, заставило по-иному посмотреть на жизнь, начать искать свой путь. Именно Д.С. Мережковский советует писателю отправиться на русский север за «истиной». Результатом пришвинского паломничества к староверам станут очерковые циклы «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии», «У стен града Невидимого. Светлое озеро».

Уже в первых пришвинских произведениях современники могли заметить отказ от традиционных жанровых структур. В произведениях писателя было много субъективного, метафорического и даже символического, практически отсутствовал привычный сюжет. На первый план автором выводился лирический герой, сознание которого охватывает все пространство текста. А.А. Блок, по свидетельству самого Пришвина, увидит в этом поэзию и ещё «что-то» [4, с. 99]. Это «что-то» и станет главной особенностью пришвинской поэтики. Потом сам автор много раз будет пытаться на страницах дневника объяснить себе и читателям, в чём заключается это «что-то». Литературоведы будут более лаконичны, определив творчество Пришвина как лирико-философское. Художественно-эстетическая система писателя создавалась постепенно, под сильнейшим воздействием биографических факторов. Во время путешествий Пришвина по необъятным просторам России вырабатывался принцип фактографического и фотографического отображения мира. В результате такого подхода художнику не просто удалось расширить возможности очерковой формы, а выйти за её рамки, занявшись «исследованием» действительности во всей её сложности и противоречивости [1].

В 1900-е годы Пришвин обращается к теме переселенцев, отправлявшихся на постоянное жительство в Сибирь. Именно тогда автор впервые использует образы «вечной пары» Адама и Евы, «земли обетованной», вводит в текст очерка мотивы изгнания из рая и тяжелого труда. Одним из первых произведений, в котором упоминаются библейские образы Адама и Евы, стал очерк «Адам и Ева». Он был написан в 1908 и опубликован в следующем году. Позднее очерк вошёл

в цикл «Новые места». Впервые легенда в творчестве писателя появляется в большом цикле «Новые места» (1909). Произведение состоит из трех очерков: «Адам и Ева», «Первые земледельцы», «У Чёртого озера». В основе сюжета очеркового цикла лежат наблюдения повествователя-путешественника за крестьянами-переселенцами, «изгнанниками» с родных мест и отправившимися в дальние края в поисках «земли обетованной». Реальных людей и реальные исторические события автор силой поэтического воображения наделяет мифологическими чертами, одновременно соединяя миф и притчу. Лирико-философское начало в мировоззрении писателя обуславливало достаточно сложный способ изображения действительности, объединяющий лирическое восприятие, философское и общечеловеческое.

Мифологическое мышление Пришвина определило выбор жанровой формы. Пришвинский очерк существенным образом трансформировался в новую жанровую модель, которая перестала ориентироваться на документальность и объективность изображаемого. Главным становятся философско-символистическое и поэтическое восприятие действительности, мысли и чувства автора, соединившиеся с попыткой философского осмысления действительности. Таким образом, в художественную «ткань» пришвинских произведений входит притчевое начало, помогающее передать с помощью художественных символов личное мировосприятие так, чтобы читатель мог «со-чувствовать», «со-ощутить» мысль художника. Многие пришвиноведы (З.Я. Холодова, М.Ф. Пахомова, С.Г. Синенко) не раз указывали на жанровый синкретизм прозы писателя, на основе которого образовывались совершенно новые жанровые формы. Соединяя миф и притчу, Пришвин постепенно разрабатывает структуру мифа о втором Адаме и в притчевой форме излагает в самом финале очерка. Саму легенду Пришвин формулирует следующим образом: «Богу наскучило потомство первых людей, и как он сотворил вновь Адама и Еву, и как опять их выгнал, забыв про то, что земля занята другими» [5, с. 89]; «...богу наскучили жалобы вконец испорченного человека. Он сотворил его вновь и пустил опять в рай. И опять согрешил человек,

и опять был изгнана из рая обрабатывать землю. Но бог забыл про малоземелье, что теперь земля уже вся занята» [5, с. 92].

Позднее в работе «Мой очерк» (1930) и в дневниковых записях Пришвин назовёт притчу о втором Адаме «одной из главных жизненных тем» [3, с. 7]. Практически дословно очерк «Адам и Ева» войдёт в роман «Кашеева цепь». Уже не безвестный повествователь, а Алпатов, едет в Сибирь, чтобы там продолжить свое образование. Она иносказательно не только передавала положение русского крестьянина после отмены крепостного права, который остался без земли, но и отражала «поиски Бога» самим автором.

Для Пришвина человеческая история движется по кругу, так как всё в мире повторяется. Так в начале XX века вновь происходит поиск «земли обетованной». «Вечная пара» совершает «вечные круги» («...они повторяют вечные круги природы, став прекрасными от вечного повторения, от вечного воспоминания о себе» [2, с. 699]). Но движение по кругу как отражение гармонического существования характерно для идеального мира первого Адама. Его мир светлый («светлые почвы», «белые берёзы», «белые гуси»), напоминающий библейский пейзаж: «Ехали лёгкими почвами, светлыми. Целый день мелькали в окне скромные рощи у скромных ручьёв, стада белых гусей на лугах, тихие заводи и проруби с последними склонёнными берёзками» [2, с. 698]. Первое пространство огромное, наполненное, по выражению автора, поэзией и романтикой (лирический герой вспоминает Ермака). В центре этого мира находится «вечная пара»: «Он – косит. Она – вяжет. Вечная пара, покорно выполняющая заповедь бога: в поте лица своего добывать хлеб» [2, с. 699]. Постоянными эпитетами «вечной пары» становятся слова «прекрасная», «красивая» («Она красива, эта пара людей, на этом поле, окружённом угрюмыми, однотонными, но выразительными старыми-старыми уральскими сопками» [2, с. 699]).

Контрастом «вечной пары» становится «теплушка для людей» как символ уродливого и безобразного. Адам и Ева живут в раю, а люди в теплушках, другие, Адам и Ева, только что выгнаны из него. Они едут на новые земли в поисках чудесной страны, где «картошка – двугривенный, хлеб – четвертак, мясо – три

копейки; лес – даром бери» [2, с. 700]. Но поиски слишком долги. И разочаровавшиеся переселенцы превращаются в обратных переселенцев, «степных неудачников».

Мир второго Адама серый и грязный. Это мир «обиженного люда» и «мир взяточников». Безземельный Адам, попав в богатый природный мир, не умеет освоить эти богатства. «Едут зря, «на волю господню», – заключает лирический герой [2, с. 701]. Переселенцам Сибирь представляется чужой и бедной страной. «Грустно смотрит в пустую степь без деревьев, без яблонь и вишен, без мазанок белых с плетнями, без церквей» новая Ева, называя «обетованную землю» «бисовой», а сам автор называет их «непрощенными гостями». Противопоставляя два мира, автор сознательно подчёркивает, что мир второго Адама начинается с исходной точки: «А здесь, в теплушках, самое-то голое начало задуманного человеческого быта» [2, с. 699]. Объединяющим началом двух пространств становится сознание лирического героя. «Почему же эти люди так красивы там, когда косят, и почему отвратительны здесь, в теплушках, в обстановке этого, казалось бы, такого красивого движения на новые места, в страну обетованную?» – задумывается он [2, с. 699]. И объясняет красоту «вечной пары» тем, что они «живут в лад природы» [2, с. 699].

Тема «второго Адама» вводит в текст очерка мысль о достижимости или недостижимости гармонии в окружающем мире. В этом плане интересно направление размышлений лирического героя. В соответствии с уже сложившейся на тот момент традицией Пришвин вводит мифологему «Сибирь – рай» и «Сибирь – ад» [6]. С одной стороны, противопоставляется освоенный Урал (рай) и ещё малоосвоенная Сибирь (ад). С другой стороны, Пришвин называет Сибирь «богатым краем», «необъятным пространством», «золотым дном», «страной обетованной». Осваиваемая Сибирь должна стать раем для второго Адама. Но «непрощенные гости» пытаются перестроить новый мир под себя, превратить его в страну хлебопашцев. «Бродят по тундрам, тайгам и пустыням», – заключает автор [2, с. 705]. Но земля уже занята: заиртышские степи уже являются раем для коренных жителей – степных всадников.

Изображая закономерности развития цивилизации, автор отступает от требований жанра притчи, вводя лирико-медитативное начало (лирический герой, повышенная эмоциональность, фрагментарно-ассоциативная композиция. При этом в повествовании сохраняются некоторые признаки жанра притчи: нет характеров, темпоральных признаков, сохраняется обобщенность пространства, соединение конкретно-реалистического и метафорического планов. Изменённая структура притчи подчиняется авторским художественно-эстетическим принципам: осмысление личного опыта как общего совмещается с индивидуальным началом. Очерк «Адам и Ева» в соответствии с законами притчевого жанра заканчивается моралью, в которой Пришвин признаёт тщетность поиска земли обетованной вторым Адамом.

Появившаяся в начале творческого пути писателя притча о втором Адаме, постепенно вырастает до размеров мифа и прочно закрепляется в пришвинской картине мира, отражая все перипетии «пути к Другу» и к самому себе. Формирование литературоведческой компетенции в данном случае предполагает систему заданий, совмещающих знаний по теории и истории литературы. Например, студентам можно предложить написать реферат по темам «Философия природы в творчестве М. Пришвина», «М. Пришвин – очеркист», «Связь творчества М. Пришвина с народно-поэтической культурой», «Роль пейзажа в произведениях М. Пришвина», «Притчевость как качество ранней прозы М. Пришвина». Подробное изучение данного вопроса будет эффективным в рамках спецкурса, позволяющему преподавателю обратить внимание на частные проблемы. Например, предложить сделать конспект теоретической работы Пришвина «Мой очерк» и проанализировать очерковые циклы писателя, сопоставить тезисы с дневниковыми высказываниями писателя. Следует обратить внимание студентов на историко-культурный контекст 1910-х гг. и предложить студентам сделать «портрет» Пришвина из высказываний современников. Таким образом, обращая внимание студентов на научный подход при анализе художественного текста, формируется литературоведческая компетенция как одна из составляющих будущего специалиста-филолога.

Список литературы

1. Ольховская Ю.И. Притчевость как качество дневниковой прозы М.М. Пришвина / Ю.И. Ольховская // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по материалам I международной научно-практической конференции. – Новосибирск: АНС СибАК. – 2017. – С. 86–91.
2. Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. Т.1 / М.М. Пришвин. – М.: Художественная литература, 1982. – 832 с.
3. Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. Т.3 / М.М. Пришвин. – М.: Художественная литература, 1983. – 857 с.
4. Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. Т.8 / М.М. Пришвин. – М.: Художественная литература, 1986. – 757 с.
5. Пришвин М.М. Желанная книга / М.М. Пришвин. – М: Советский писатель, 1987. – 416 с.
6. Собенников А.С. Миф о Сибири в творчестве А.П. Чехова («Очерки из Сибири») / А.С. Собенников // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: материалы Международной научной конференции (Иркутск, 24–26 сентября 2004 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mion.isu.ru/pub/sbornik_Sib/5_8.html.